

О РАСПИСНОЙ КЕРАМИКЕ ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ (VI в. до н. э. — III в. н. э.)¹

Г. А. ТИРАЦЯН

Материальная культура древней Армении послеурартского и досредневекового периодов в прошлом изучалась неудовлетворительно.

Систематическое изучение упомянутого периода начато раскопками в Гарни и Армавире (руководитель Б. Н. Аракелян). Среди раскопанных здесь материалов особое значение имеют, как нам кажется, многочисленные образцы керамики, покрытые росписью, на первый взгляд выявляющие в некоторых случаях поразительное сходство с расписной керамикой эпохи бронзы. Изучению этой керамики, предварительному хронологическому расчленению, а также выявлению ее культурно-исторического места и посвящена настоящая статья².

Прежде чем перейти к разбору самой керамики, следует вкратце коснуться некоторых стратиграфических наблюдений, имеющих первостепенное значение для данной темы. Раскопки 1964 г. в Гарни окончательно выявили на широкой территории слой эллинистического времени (III—I вв. до н. э.), а возможно даже несколько более древние (IV в. до н. э.). На прихрамовой площади, перед главным восточным фасадом жилого здания первых веков н. э., был зафиксирован хорошо документированный древний слой, доходящий до самого материка и залегающий под самым нижним уровнем известного ранее пласта первых веков н. э. В этом слое было найдено значительное количество обломков расписной керамики, бесспорно перекликающейся со сходной керамикой из Армавира. Именно эта керамика положена в основу данной статьи.

Отдельные предметы эллинистического времени, в том числе и образцы расписной керамики, были обнаружены и ранее на территории крепости Гарни, но каждый раз слой, в котором они находились, занимал слишком малую площадь, что, естественно, затрудняло возможность каких-нибудь обоснованных выводов стратиграфического порядка. Древние слои на территории крепости нередко находились в перемешанном виде. В свете вышесказанного данные 1964 г. приобретают особенно важное значение.

Стратиграфия в Армавире несколько иная. Она в основном складывается из трех слоев: урартского, средневекового и промежуточного. Раскопанные квадраты на западном склоне Армавирского холма показали, что под слоем с остатками средневекового периода (главным образом черепки поливной керамики) вплоть до материка идет слой более ранний, охватывающий по крайней мере периоды первых веков н. э., эллинистический и раннеармянский, или ахеменидский. Интересную картину можно было наблюдать под самым западным участком оборонительной стены, где нижний слой оказался урартским и был документирован характерными карасами и предметами, по-видимому — позднеурартского времени; на уровне 1,9—2 метров сверху этот слой был перекрыт мощным, в основном досредневековым слоем. Собственно средневековые остатки в верхних горизонтах были незначительными.

На вышеуказанных участках в отмеченных условиях было выявлено значительное количество расписной керамики, давшей, наряду с керамикой из Гарни, первые сведе-

¹ Оглашена на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (Баку, 1965, апрель). См. Тезисы в «Материалах» сессии, Баку, 1965, стр. 94—95.

² Автор статьи является участником раскопок в Армавире и Гарни.

ния об этой особой отрасли гончарного производства древней Армении. Расписная керамика была найдена кроме того при исследовании крепостных стен Армавира на поверхности самого холма, а также в его окрестностях.

Находки расписной керамики древней Армении не ограничиваются Армавиром и Гарни. Богато орнаментированные обломки самобытной керамики найдены в досредне-

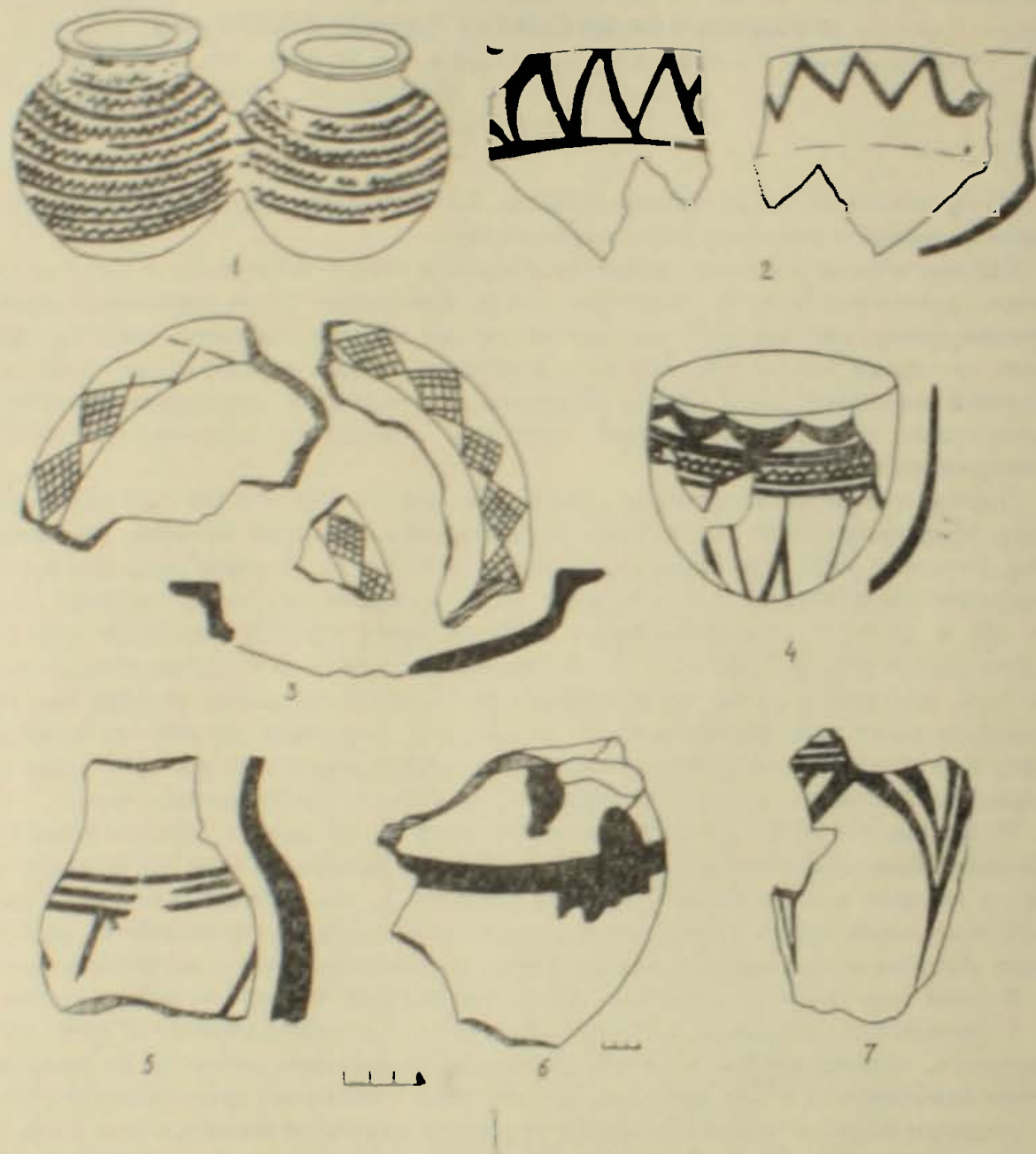

Таблица I

вековых слоях Двина³ и в крепости Ацаван⁴, неподалеку от Гарни. В качестве подъемного материала расписная керамика рассматриваемого времени встречается на территории Арташата — древней столицы Армении, основанной во II в. до н. э., и в других

³ Это черепки, как правило, покрытые ангобом светлого цвета, поверх которого нанесена темно-коричневая, красно-коричневая и желтоватая роспись в виде сетчатых и гирляндовидных узоров, рядов входящих друг в друга треугольников, птиц и т. д. Найдены целые фляги, расписанные concentрическими поясами.

⁴ Գ. Տիրապետյան, Հաջափան ամրոցի 1961 թ. պեղումները, ՀՍՍՌ ԳԱ «Տեղեկագիր» (Հաս. դիտ.), 1962, № 11, նկ. 5 և 10 84; նույնի «Հաջափան ամրոցի 1962 թ. պեղումները», «Տեղեկագիր» (Հաս. դիտ.), 1963, № 11, նկ. 5 և 17 106—108.

местах республики. Маленькая, но примечательная коллекция расписных сосудов из Армении, главным образом состоящая из случайных, плохо документированных находок, хранится в исторических музеях Армении и Грузии⁵.

Для правильного хронологического осмысления рассматриваемого материала перво-степенное значение имеют также и предметы из погребений. Так, интересный расписной сосуд (табл. I, 1) был найден на территории урартского города Тейшебани в погребении послеурартского времени (V—IV вв. до н. э.), вырытого на развалинах урартского периода⁶. В каменном ящике гарнийского некрополя расписная чашечка (табл. II, 1) была обнаружена вместе с серебряной драхмой Александра Македонского и другими предметами раннеэллинистического времени. В том же Гарни были раскрыты каменные ящики более поздней эпохи, содержащие образцы расписной керамики первых веков н. э. (табл. II, 6, 7).

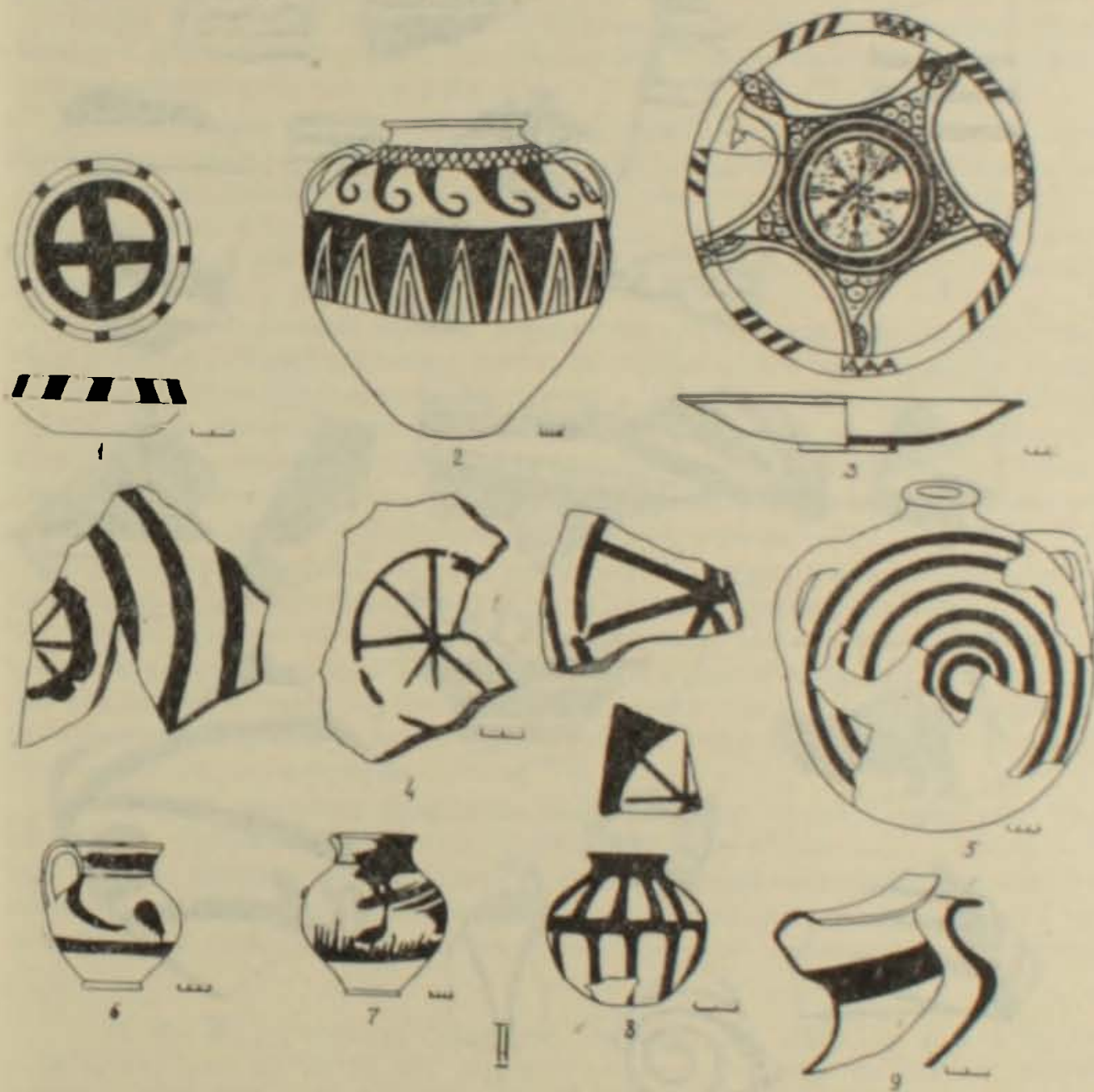

Таблица II

Короткий обзор стратиграфических наблюдений показывает, что рассмотренная нами расписная керамика охватывает большой хронологический отрезок. Не удивительно поэтому, что она представлена самыми разнообразными формами, как-то: флягами, кувшинами или горшками со сливообразным носиком, одноручными кувшинами, ваю-

⁵ Эта коллекция подготовлена нами к печати.

⁶ А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, Ереван, 1961, рис. 66, стр. 11—12.

образными высокими сосудами, крупными сосудами с вздутым туловом, чашечками, блюдами и чашами, кубками с перехватом или с полуйцевидным туловом, двойными сосудами типа сообщающихся и т. д. (табл. I, II, III). Интересно отметить, что многие из вышеупомянутых форм имеют точные параллели среди массовой нерасписной керамики Армении того же периода. Это обстоятельство заслуживает особого внимания при выяснении вопросов места производства рассматриваемой керамики. Такие формы, как кубки с перехватом, сосуды с носиком, кувшины, вазообразные сосуды, чаши и т. д., являются общими для обеих групп — нерасписной и расписной керамики древней Армении.

Таблица III

Сосуды, как правило, изготовлены из однородного теста, но с некоторой примесью песка. Имеются сосуды, в глину которых попали более грубые примеси в виде толченых камней. Обжиг сосудов, как правило, неравномерный, вследствие чего срединный слой черепков всегда сероватого цвета.

Необходимо отметить, что по ряду технических свойств (состав глины, степень обжига) расписные сосуды также сходны с нерасписными. Одновременно следует подчеркнуть, что отмеченные черты обеих групп наглядно выступают при сравнении их с явно привозными керамическими изделиями, обнаруженными в Армавире (фрагмент чернолакового сосуда, обломки пиксиды и глиняного веретенообразного бальзамария), отличающимися чистотой теста, превосходным равномерным обжигом, плотностью черепка.

Большая часть сосудов покрыта светлым ангобом (желтый, розовый, охристый, светло-коричневый), поверх которого наносилась роспись. В некоторых случаях роспись сделана прямо на поверхности глины сосуда, часто темноватого (серого, бурого) оттенка.

Оттенки росписи разнообразны; это, главным образом, коричневые и красные, желтые, серые и даже черный цвета.

Узоры, исполненные росписью, располагались по-разному; они покрывают всю поверхность сосуда или же только верхнюю половину; имеется несколько случаев двусторонней, внешней и внутренней росписи.

Орнаментальные мотивы носят геометрический характер: больше всего распространены прямые пояски; как правило, они нанесены в виде отдельных или параллельных горизонтальных линий. На флягах они образуют концентрические круги с крестообразным орнаментом в середине. В некоторых случаях пояски нанесены под самым венчиком с внутренней или внешней стороны. Прямые горизонтальные пояски встречаются также в сочетании с другими узорами.

Среди орнаментальных мотивов, в том числе и более усложненного характера — геометрических, следует упомянуть волнистые линии, спирали, горизонтальные полосы, заполненные сеткообразным орнаментом, ряды из двухцветных вписанных друг в друга треугольников, свободно выполненные пятилучевые звезды, ряд из примыкающих друг к другу ромбов, заштрихованных сеткой, орнамент в виде елочки и т. д. Встречаются также растительные орнаменты: гирлянды, листовидные узоры, завитки, стилизованное дерево. В некоторых случаях имеются и зооморфные мотивы.

При сугубо формальном сличении перечисленных мотивов с орнаментикой древнейшей расписной керамики Передней Азии часто обнаруживаются совпадения. Это в равной мере касается как малоазийского, каппадокийского, так и северомесопотамского и иранского кругов древнейшей керамики. Сплошь и рядом встречаются такие, характерные для рассматриваемой керамики Армении, орнаментальные мотивы, как прямые пояски, завитки, гирлянды, волнистые линии, ряды из заштрихованных ромбов, горизонтальные полосы, заштрихованные сеткой, и т. д.⁷

Любопытны совпадения орнаментики рассматриваемой керамики с орнаментальными мотивами древнейшей расписной керамики Армении и Закавказья. Орнаменты в виде крупных завитков, встречающиеся на одной из гидрий триалетских курганов⁸, напоминают несколько видоизмененные завитки на большом сосуде эллинистического времени из Гарин (табл. II, 2), а завитки меньших размеров, характерные для тазакенд-

⁷ H. de Genouillac, *Ceramique cappadocienne*, Paris, v. I, p. 8, fig. 20, p. 34—35, v. II, pl. 22, 23, 33, 35; H. H. von der Osten, *The Alishar Huyuk, Season of 1930—1932, part. I*, Chicago, 1937, fig. 232, 263, pl. VI, 2; W. Andrae, *Der Wiedererstandene Assur*, Leipzig, 1938, Taf. 10; E. Speiser, *Excavations at Tepe-Gawra, v. I*, Philadelphia, 1935, pl. XXVII, LXII; A. Tobler, *Excavations at Tepe-Gawra, v. II*, Philadelphia, 1950, pl. LXIX; G. Contenau, R. Ghirshman, *Fouilles du Tepe-Glyan*, Paris, 1935, pl. IX, 3, XI, XIII, XV, XVI, I, 5; The Tokyo-University Iraq-Iran Archaeological Expedition, *Report 1*, Tokyo, 1958, pl. L, *Report 2*, Tokyo, 1962, pl. II, fig. 24, *Report 3*, Tokyo, 1962, pl. XIV, 3, XXI, XXXI.

⁸ Б. А. Куфтун, *Археологические раскопки в Триалети*, Тбилиси, 1941, табл. XXVII.

ской керамики начала II тысячелетия⁹, засвидетельствованы на черепках послеурартского периода из Армавира (табл. III, 9).

Ряды из вписанных друг в друга двухцветных треугольников, имеющиеся на полихромных сосудах из Камо¹⁰, доживают на обломках керамики раннеармянского и эллинистического времени из Двина и Нор-Армавира. Наконец, ряды из примыкающих друг к другу ромбов, заштрихованных сеткой, характерные для кызылванской ранней керамики¹¹, мы встречаем на венчике чаши из Армавира, возможно раннеармянской эпохи (табл. I, 3).

Учитывая формальную сторону приведенных аналогий и в общем их случайный характер, привлекая во внимание ограниченный набор орнаментальных мотивов, присущих разным временам на широкой территории, а также их консервативную природу, не следует тем не менее упускать из виду факт, что своими свойствами рассматриваемые сосуды иногда перекликаются с древнейшей керамикой. Так, например, большой расписной сосуд из Гарни (табл. II, 2) напоминает по своей форме керамику II тысячелетия Закавказья (Кировакан, Триалети, Узерлик-тепе)¹².

При сопоставлении орнаментальных мотивов разбираемой керамики со следующим этапом развития расписной керамики Передней Азии совпадения оказываются также интересными. При этом особое значение имеет тот факт, что эта керамика на всех ареалах ее проявления (Малая Азия, Армянское нагорье, Иран) доживает до того времени, когда возможно установить начало расписной керамики древней Армении и Закавказья послеурартского времени, т. е. до VI—V вв. до н. э.

Примером может служить малоазийская расписная керамика первой половины I тысячелетия до н. э., представленная в основном фригийским вариантом¹³. Она характеризуется двуручными кратерами, чайничкообразными сосудами, разного типа кувшинами, чашами и т. д.

Роспись, как правило, — коричневого цвета, нанесена по серому или светло-коричневому фону. Она покрывает всю поверхность сосудов или только верхнюю половину, при этом мотивы носят исключительно геометрический характер или включают зооморфные изображения (стилизованные олени).

Фригийская керамика напоминает расписную керамику древней Армении расположением узоров горизонтальными фризами, один над другим (например, обломок сосуда из Нор-Армавира, большой сосуд из Гарни и т. д.); отдельные орнаментальные мотивы (волнистые линии, сочетание волнистых и прямых линий, продольные полосы, наполненные сеткообразным орнаментом и т. д.) встречаются в одинаковой форме на обеих керамиках.

Последним этапом развития расписной керамики древнего Ирана долгое время считалась керамика Спалки Б., начала I тысячелетия до н. э. Раскопки последних лет на территории Ирана показали, что можно проследить это развитие вплоть до VI—V вв.

⁹ К. Х. Кушнарева, Тазакендский могильник. «Советская археология» (в дальнейшем СА), 1960, № 1, рис. 2, 3.

¹⁰ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, рис. 19.

¹¹ А. Спицын, Некоторые закавказские могильники. «Известия Археологической комиссии», вып. 29, 1909, рис. 50.

¹² А. А. Мартиросян, Указ. соч., табл. I, 1—3; Б. А. Куфтин, Указ. соч., табл. XXVI и дальше; К. Х. Кушнарева, Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе около Агдама. «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем МИА), № 67, М.—Л., 1959, рис. 10.

¹³ E. Akurgal, Phrygische Kunst, Ankara, 1955, Taf. 1—30; H. H. von der Osten, E. Schmidt, The Alishar Hüyük, Season of 1927, part. I, pl. I, IV, Seasons of 1928—1929, fig. 314, 315, Seasons of 1930—1932, part. II, fig. 403—405, 407,

до н. э., о чем свидетельствуют археологические материалы из Суз, Маку, Уасанлу, Зивие¹⁴.

Среди орнаментальных мотивов иранской расписной керамики отмеченного периода с керамикой древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.) перекликаются прямые пояски, волнистые линии, изображения птиц, сетчатый орнамент, завитки, выполненные красными, коричневыми и черными красками. На черепках, собранных в Зивие и раскопанных в Уасанлу, узоры нанесены прямо на венчике, причем здесь часто встречаются мотивы, наблюдаемые на древнеармянской керамике из Армавира.

Небезынтересно подчеркнуть тот факт, что иранская расписная керамика позднего времени представлена в основном памятниками, расположенными в районе озера Урмия, следовательно непосредственно примыкающем к территории древней Армении.

Проследить традиции расписной керамики на Армянском нагорье в I тысячелетии удается на примере урартской расписной керамики, ранние этапы которой представлены материалами из района Вана¹⁵. Это черепки чаш, мисок, стаканчиков, покрытые снаружи и часто изнутри светлого цвета ангобом.

Распись в основном двухцветная — разные тона коричневого и красного; узоры преимущественно геометрические и наносятся они, как правило, под самым венчиком или же на самом венчике, встречающиеся и в более поздние эпохи на отмеченной выше керамике Армении ахеменидского и эллинистического периодов. Они состоят из рядов треугольников, ромбов, из гирляндовидных и волнистых линий и т. д. Часть из них можно встретить на расписной керамике послеурартского времени¹⁶.

Стратиграфические наблюдения показывают, что древняя керамика района Вана происходит главным образом из глубоких слоев, предшествующих краснолощенной керамике, и в какой-то мере сосуществует с ней¹⁷. Это обстоятельство дало повод исследователям считать, что урартская расписная керамика характерна только для раннего периода ее истории, т. е. для IX—VIII вв. Что касается расписной керамики из Топрах-кале, то прежде чем дать ее окончательную датировку, черепки, хранящиеся в Восточном отделе Гос. Эрмитажа, следовало бы сравнить с вышеупомянутой керамикой из Вана. Некоторые особенности этой керамики не исключают возможность ее отнесения к послеурартскому периоду. То же самое следует сказать относительно расписного кувшина из Топрах-кале с прямыми поясками и с изображениями водяных птиц¹⁸. О ее позднем облике могут говорить узоры (пояски), а также форма кувшина с венчиком в виде слабо развитого трилистника, характерного для более позднего времени (например, сосуд из Гехадира IV—III вв. до н. э.).

Раскопки на Кармир-блуре, однако, заставляют пересмотреть точку зрения на исключительно раннюю датировку расписной керамики Урарту, так как здесь были

¹⁴ R. Ghirshman, *Village perse-achéménide*, Paris, 1954, pl. XIII, XX, I, XXXII—XXXIV—из Суз, pl. XX, 2—из Маку; K. Dyson, *Archaeological scrap glimpses of history at Ziwiye*, Expedition, v. 5, № 3, 1963, p. 35; R. Ghirshman, *Perse, Proto-iranien, Medes, Achéménides*, Paris, 1963, pp. 320—321; то же, *Arte dell'Iran presasanide. Le civiltà dell'Oriente*, v. IV, Roma, 1963, p. 325.

¹⁵ H. H. von der Osten, *Die urartäische Töpferet aus Van und die Möglichkeit ihrer Einordnung in die anatolische Keramik*, I, *Orientalia*, N. S. v. 21, fasc. 3, 1952, pp. 307—328.

¹⁶ Упоминание в этой связи Боссертом (*Altanatolien*, Tübingen, 1941, № 1203) и фон дер Остенем (указ. соч., стр. 307) урартского сосуда из Карского района, украшенного якобы расписными концентрическими поясками, чистое недоразумение. См. сосуд: Н. Я. Марр, *Надпись Сардура II, сына Аргишти из Даш-Керпы на Чалдырском озере*, «Записки Кавказского музея», серия В-1, Петроград, 1919, рис. 1.

¹⁷ H. H. von der Osten, *Указ. соч.*, стр. 307 и дальше; Heinz Otto, *Die amerikanischen Ausgrabungen am Burgfelsen von Van*, *Archiv für Orientforschung*, 1941, B6, XIV, n. 1—2, pp. 87—95.

¹⁸ C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens*, Göttingen, 1907, Taf. VIII, 1.

найжены прекрасные образцы расписной керамики в виде аска, сапожковидных сосудов, большого сосуда с рельефными бычьими головами и пр.¹⁹ Все это говорит о продолжении традиции расписной керамики Урарту и в VII в. до н. э., хотя, возможно, в более ограниченном объеме.

Из вышесказанного, таким образом, явствует, что центры производства древнейшей расписной керамики Передней Азии доживают на Армянском нагорье и соседних территориях (Малая Азия, Иран) до середины I тысячелетия до н. э. Хронологически к ним примыкает расписная керамика древней Армении и Закавказья, продолжающая бытовать почти что все последующее тысячелетие.

Основные этапы развития расписной керамики Закавказья прослеживаются и в древней Грузии.

Расписная керамика V—IV вв. до н. э. представлена образцами из Куши (Цалкинский район), Тбилиси (Дидубе), Итхвиси (Имеретия)²⁰. Это в основном кувшины со светлым фоном, покрытые росписью в виде геометрических узоров — зигзагообразные, ломаные линии, сетчатый орнамент, вписанные друг в друга треугольники, — напоминающие орнаментальные мотивы малоазийской керамики послехеттского-фригийского периода.

Расписные целые сосуды, а также черепки эллинистического времени происходят из некрополей Самтавро и Уплисцихе. Они покрыты росписью в основном в виде горизонтальных поясков²¹. К этому же периоду или несколько раннему могут относиться обломки толстостенных сосудов из Ксани, где наряду с орнаментом в виде красных поясков на светлый фон нанесены человеческие фигуры, колеса и т. д.²²

Характерным для развития керамики древней Грузии следует считать широкое распространение расписной керамики в первые века н. э. Раскопками в Урбинси и в окрестностях Тбилиси открыто большое количество сосудов, покрытых узорами светло-красного бледного оттенка, нанесенных в виде горизонтальных прямых поясков, волнистых линий, рядов точек и т. д.²³

Если ранний этап расписной керамики древней Албании неудовлетворительно освещен археологическими материалами, то эллинистический период представлен большим количеством расписной керамики, найденной в основном в кувшинных погребениях Мингечаура, Агджабеды, Кедабека, Ханлара, Мильской степи (Кала-Тапа и др.)²⁴. Это в основном напоминающие закавказскую керамику II тысячелетия до н. э. сосуды с низ-

¹⁹ Б. Б. П и о т р о в с к и й, Ванское царство, М., 1959, табл. X, IV; е г о ж е, Искусство Урарту, Л., 1962, табл. XXVIII—XXIX; е г о ж е, Город бога Тейшеби, С. А., 1959, № 2, рис. 4.

²⁰ Б. А. К у ф т и н, Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, Тбилиси, 1948, стр. 7—9, табл. 3; Д. Л. К о р и д з е, Археологические памятники Тбилиси, ч. II, Тбилиси, 1958, табл. IX, рис. 13, а также материалы из раскопок Р. М. Абрамшвили.

²¹ См. фонды Музея Грузии, керамика эллинистического времени из Самтавро и материалы из раскопок Хатуташвили.

²² Сборы Ю. Гагошидзе.

²³ Д. Л. К о р и д з е, Указ. соч., табл. IX, рис. 18, 19, 20; Л. А. Ч и л а ш в и л и, Городище Урбинси, Тбилиси, 1964, табл. XIII, 2, а также неизданные материалы из Урбинси в Музее Грузии.

²⁴ С. М. К а з н е в, Альбом кувшинных погребений, Баку, 1960, табл. VIII, XI; А. И. Р з а е в, Художественная керамика Кавказской Албании, Баку, 1964, рис. 78, 80—86; Е. А. П а х о м о в, Обследования и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. «Известия «АзФАН-а», 1939, № 3, рис. 3; Т. С. П а с с е к, Джафарханский могильник. «Вестник древней истории», 1946, № 2, стр. 181 и дальше, рис. 26, 27; Б. А. К у ф т и н, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, рис. 4; А. А. Н е с с е н, Из исторического прошлого мильско-карабахской степи. МИА, № 125, М.—Л., 1965, табл. II, 4—10.

кой шейкой, вздутым туловом, суживающимся вниз и переходящим в плоское дно, а также сосуды с носиками, перекликающиеся с древней керамикой Ирана.

Распись, как правило, дана светло-красной краской по светлому фону или же коричневой краской по светло-коричневому, бурому фону.

Орнаментальные мотивы носят геометрический, зооморфный и растительный характер (заштрихованные сеткой горизонтальные полосы, перекрещивающиеся параллельные линии, ряды треугольников, некоторые из которых сплошь покрыты краской или заполнены сетчатым узором, простой меандр, ряды из свисающих треугольников, вертикальные, извилистые линии, а также изображения птиц, оленя и стилизованных деревьев. Из кувшинных погребений более позднего периода (первые века н. э.) происходит расписная керамика с несложным орнаментом, позволяющая охарактеризовать ее как дальнейшее развитие крашеной керамики эллинистического времени²⁵.

Еще Б. А. Куфтин обратил внимание на возможность формальных сопоставлений расписной керамики древней Албании и Малой Азии²⁶. Круг этих сопоставлений можно значительно расширить. При этом интересно отметить, что сопоставления охватывают не только отдаленную во времени фригийскую расписную керамику (мотивы, напоминающие керамику Албании, — извилистые вертикальные параллельные линии на шейках кратерах, изображения стилизованных деревьев, упрощенные меандры и т. д.)²⁷, но и расписную керамику Малой Азии более позднего времени, а именно второй половины I тысячелетия.

При ознакомлении с этой в общем синхронной для албанской керамики группой малоазийской керамики обнаруживаются следующие совпадения в орнаментальных мотивах: простой меандр, птицы в сочетании с треугольниками, схематичные изображения деревьев, заштрихованные сеткой треугольники и т. д.²⁸ Нет сомнения, что такого рода совпадения могут быть в значительной своей части случайными, но игнорировать их совсем вряд ли будет правильным, особенно если учесть хронологическую близость обеих групп; не исключена возможность, что отмеченные параллели отражают факт наличия одного из возможных исходных ареалов эллинистического влияния на керамику древней Албании.

Для правильного осмысления расписной керамики древней Армении необходимо также выяснить ее точки соприкосновения с греческой керамикой. В данном случае естественно следует привлечь два этапа развития древнегреческой керамики: архаический и эллинистический. При этом следует иметь в виду, что керамику древней Армении следует сравнивать с теми направлениями греческой керамики, в которых роспись наносилась по светлому фону. Подобная традиция в греческой керамике, известная еще с микенского времени и нашедшая всеобщее распространение в прото-геометрические и геометрические периоды, затем продолжалась в архаические и классические периоды и расцвела особенно, как увидим ниже, в эллинистическое время²⁹.

Как известно, восточногреческая архаическая керамика представлена несколькими группами главным образом художественной керамики, ориентализирующего и чернофигурного стиля³⁰. Наряду с этими группами, широко использовавшими декоративные

²⁵ Т. Н. Голубкина, Археологическое обследование и раскопки кувшинных погребений в Азербайджане в 1953 г. «Известия АН Азерб. ССР», 1959, № 1, табл. IV, 2, V, 2.

²⁶ Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 9.

²⁷ E. Akurgal, Указ. соч., табл. 7а, в, 10а, 17в. 26, 27, рис. 9, 10, 18, 19, 20 и дальше; The Altshar Hüyük, Season of 1927, part. I, pl. II, III, IV. Season of 1930—1932, part. II, pl. VIII.

²⁸ The Altshar Hüyük, Seasons of 1930—1932, part. II, fig. 410 (e1346), 412 (d20007), 445, 7; part. III, fig. 38, (e27, d471), 45 (e95), 76, 77, pl. V, 2.

²⁹ E. Pfuhl, Malerei und Zeichnung der Griechen, Bd. I, II, III, München, 1923; R. M. Cook, Greek painted pottery, London, 1960, Chap. I—IV.

³⁰ R. M. Cook, Указ. соч., гл. III.

мотивы, изображения животных, а впоследствии и человека, находит повсеместное распространение обиходная простая посуда с орнаментом в виде прямых полосок и поясков и волнистых линий темного, коричневого или черного цветов, нанесенных по светлому фону. Эта керамика встречается не только в восточногреческих городах, но и в колониях Греции, где способствовала началу производства местной однотипной керамики³¹.

С точки зрения орнаментальных мотивов упомянутая группа ионийской керамики, вне всякого сомнения, является продолжателем древнейшей керамики Греции протогеометрического и геометрического времени. Эпоха бытования этой керамики падает на VII—VI вв. до н. э. с заходом в V в. и даже IV в.

Не исключена возможность, что часть армавирской и гарнийской керамики с росписью в виде прямых поясков, которую еще предстоит датировать на основе точных стратиграфических наблюдений V—IV вв. до н. э., а также посуду, окрашенную волнообразными линиями, можно связать с вышеупомянутой ионийской керамикой, особенно с происходящей из колоний. Однако незаmysловатый характер орнаментальных мотивов в значительной степени ограничивает возможность ее сопоставления с какими-нибудь группами керамики, в том числе и с ионийской. Посуда с простым орнаментом, главным образом с прямыми поясками, встречается не только в таких соседних с Арменией районах, как Фригия или южнопричерноморские города³², где влияние ионийской керамики несомненно, но и в Ассирии и в Иране, где керамика с упомянутыми орнаментами развивалась на основе местных традиций³³.

Волнообразный орнамент также не характерен только для ионийской керамики. Он засвидетельствован на ранних группах архаической керамики (протокоринфская, кикладская), встречается в эллинистическое время и доживает до первых веков н. э. (Грузия)³⁴. В сочетании с прямыми линиями он засвидетельствован и на иранской керамике VII—VI вв. до н. э.³⁵

В одном случае, тем не менее, приходится признать возможность выявления конкретных связей между керамикой древней Армении и Ионии. Речь идет о полуяйцевидном кубке из Армавира (табл. I, 4), расписанном темно-коричневой, светло-коричневой и желтоватой краской по желтого цвета ангобу. Верхняя половина покрыта гирляндным узором, прямыми и волнообразными линиями. На нижней половине изображены идущие со дна вверх отдельные или сходящиеся под угол полосы в виде лучей. Такой орнамент весьма характерен для раннеродосских и раннекоринфских чаш-киликов VII—

³¹ Там же, стр. 142; Р. В. Шмидт, Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки, МИА, № 25, стр. 239—243, рис. 9 (4, 5); Т. Н. Книпович, Художественная керамика северного Причерноморья (античные города северного Причерноморья), М.—Л., 1955, стр. 361—362, 376—377.

³² E. Akurgal, Указ. соч., рис. 33, 34, 36, 41, 46 — позднефригийская керамика, табл. 33 — Синопа; ср. E. Akurgal, L. Budde, Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope, Ankara, 1956, Taf. III, H. de Genouillac, Указ соч., т. II, табл. 47, № 133, 51, № 159.

³³ B. Hrouda, Tell-Halaf., Bd. IV, Berlin, 1962, Taf. 59, 82, 110, Taf. 60, 123, 130; R. Ghirshman, Village perse-achéménide, Paris, 1954, pl. XIII, 1, XXXIII, p. 27.

³⁴ K. Viernsels, H. Walter, Die Funde der Kampagne 1958—59 im Heraion von Samos. Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, Bd. 74, 1959, Taf. 13—21, 31—50; Larissa am Hermos, Bd. III, J. Boehlau, K. Scheffold, Die Kleinfunde, Berlin, 1942, Taf. 49—50, 53—56; T. J. Dunbabin, The Sanctuaries of Hera Aprata and Limeneta, v, II, pl. 1—57, 59—116; Chronique des fouilles (Cypre), Bulletin de Correspondance hellénique, 1961, v. fig. 8, p. 734. Л. А. Чилашвили, Указ. соч., табл. XIII, 2, а также неизданная керамика из Урбинси (Музей Грузии).

³⁵ R. Ghirshman, Village perse-achéménide, Paris, 1954, pl. XIII, 2, XX, XXXIII, XXXIV; R. Dyson, Указ. соч., стр. 35.

VI вв. до н. э.³⁶ Орнамент армавирского кубка, который, как увидим ниже, по своей форме можно датировать временем не ранее второй половины IV в. до н. э., следует признать поздним отголоском орнаментальных мотивов архаической, родоссо-ионийской керамики.

Небезынтересно, в этой связи, остановиться вкратце на возможных путях проникновения ионийских предметов, в том числе и ионийской керамики, в области Армянского нагорья. Этот вопрос, естественно, является частью более общего вопроса сложения ионийской цивилизации и ее влияния на древневосточные страны. Основанная в VIII в. до н. э. на Сирийском побережье Средиземного моря греческая фактория Аль-Мина, освоенный на киликийском побережье примерно к этому же времени город Тарсус, возникшие на рубеже VII—VI вв. и в VI в. южнопричерноморские колонии Синопа, Амисос, Трапезус — вот основные каналы, через которые предметы Ионии и прочих стран и народов восточной части средиземноморского бассейна доставлялись на Восток, не говоря уж о сухопутной дороге через внутренние районы Малой Азии, главным образом через Фригию. Конкретные археологические находки указывают на проникновение в ассирийское время ионийских ранних предметов в такие отдаленные от ионийских центров города Северного Двуречья, какими являлись Ниневия и Тел-Халаф³⁷.

В VII в. заметно усиливается греческое влияние на фригийское искусство, выражающееся в возросшем импорте греческих товаров во Фригию. Возможно, что все это шло сухопутными путями непосредственно из Ионии. Как далеко шло ионийское влияние вглубь на Восток и затрагивало ли оно этим путем Армянское нагорье, — сказать в настоящее время трудно.

Другой возможный путь проникновения ионийского влияния во внутренние районы Малой Азии и на Армянское нагорье проходил через южнопричерноморские города. Фригийские керамические художественные плиты из Пазарлы (VI в. до н. э.) принято объяснять, например, ионийским влиянием, идущим из Синопы и Амиса³⁸.

Во всяком случае раскопки урартских центров, прежде всего Кармир-блур, дают некоторые сведения о проникновении предметов из восточного Средиземноморья и даже из самой Ионии. На Кармир-блуре были найдены стеклянные изделия, происходящие из острова Родос³⁹, золотые серьги восточносредиземноморского происхождения⁴⁰, серебряный кувшин⁴¹, волутообразное основание ручки которого напоминает памятники искусства восточногреческих городов, возможно испытал на себе некоторое влияние ионийской культуры.

Для Армении, в частности для ее расписной керамики, могут иметь значение позднефригийская керамика внутренних районов Малой Азии и образцы ионийской керамики южнопричерноморских городов, особенно Синопы. Отсюда происходят четыре кувшина позднефригийского стиля, найденные вместе с обломками античных чаш второй трети VI в. до н. э.⁴² Орнаментальные мотивы упомянутых сосудов слагаются из простых горизонтальных поясов, волнообразных линий, рядов больших закрашенных темным цветом треугольников, чем напоминают некоторые образцы древнеармянской ке-

³⁶ H. Goldman, Excavations at Gözlükule, Tarsus, v III, Plates, Princeton 1963, pl. 99 (14C4); R. M. Cook, Указ. соч., fig. 4, 11, 5, pl. 12c, 19—20; M. Lambino, Les vases archaïques d'Asie, fig. 2, 3. На упомянутую связь нам указала аспирант Гос. Эрмитажа С. П. Борнсковская.

³⁷ T. J. Dumbabin, The Greeks and their eastern neighbours, London, 1957, pp. 28, 29, 72—76.

³⁸ J. M. Cook, The Greeks in Ionia and the East, New York, 1963, p. 58; E. Akurgal, Phrygische Kunst, p. 80.

³⁹ Р. М. Жанполадян, О трех образцах стекла из Кармир-блур, С. А., 1964, № 1, стр. 307—312.

⁴⁰ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, табл. XLVI, а.

⁴¹ Его же, Кармир-блур, III, Ереван, 1955, рис. 13.

⁴² E. Akurgal, Указ. соч., табл. 33.

рамыки, в том числе из Двина и Нор-Армавира, которая может быть несколько моложе синопской.

Керамику позднефригийского стиля с прямыми горизонтальными поясками (чаши, кувшины) дает также Алишар и другие центры фригийской керамики Малой Азии⁴³. Два больших сосуда из Амиса, по-видимому ионийского происхождения⁴⁴, тоже покрыты узорами в виде поясков, а также мотивами, по своему характеру чем-то предваряющими расписную керамику Армении.

При всем этом следует не забывать, однако, условный в некоторой мере характер данных сопоставлений, так как приведенные мотивы, как увидели выше, встречались повсеместно на ранней керамике как Фригии, так и Греции и не являлись специфическими для VI—IV вв. до н. э. Более того, как уже отмечалось, некоторые из упомянутых мотивов встречаются и в других районах, например в Ассирии и Иране.

По-видимому, в формальную связь с украшенной волнистыми линиями ионийской керамикой можно было привести роспись, выполненную красным и коричневым цветом, сосуда типа сообщающихся (табл. I, 1) из погребения, устроенного на развалинах городских кварталов Кармир-блур, по своей форме бесспорно восходящая к урартским, древневосточным образцам. Как отмечалось, погребальный инвентарь, сопутствующий этому сосуду, выявляет определенные связи с хорошо датировемым материалом Джаратского могильника, указывающие на V—IV вв. — как на самую вероятную дату упомянутого сосуда.

К рассматриваемому отрезку времени можно отнести ряд сосудов из Армавира и Гарни. К сожалению, слой V—IV вв. еще не дифференцируется от эллинистического; поэтому датировка керамики отмеченным выше временем во многом остается предположительной.

Большая чаша из Армавира имеет по венчику роспись в виде цепи из примыкающих друг к другу ромбов, заштрихованных сеткой (табл. I, 3). Профилировка ее совпадает с каменными чашами (Армавир, Ацаван), по-видимому имеющими хождение начиная с ахеменидского времени. Узор, для которого возможно подобрать древнейшие аналоги, встречается и на керамике из Алишара, датированной второй половиной I тысячелетия до н. э.⁴⁵

Фрагмент расписного кубка с перехватом из Гарни (табл. I, 2), учитывая его форму, можно тоже отнести к V—IV вв.⁴⁶, однако не следует забывать при этом, что такие сосуды встречаются и в эллинистическое время.

Обломок вазообразного сосуда с красной и белой росписью (табл. I, 5) найден в слое на западном участке Армавирского холма. Этот обломок, а также второй, более изящный (табл. I, 7), найденный под западной оборонительной стеной, имеют полные аналоги среди вазообразных высоких сосудов из Исторического музея Армении⁴⁷. Условия находки показывают, что обнаруженный в культурном слое обломок относится к досредневековому, но послеурартскому периоду, и что он сопровождался черепками, покрытыми росписью в виде поясков и волнистых линий (табл. III, 2). Очень близкие по росписи черепки известны из Алишара и датируются второй половиной I тысячелетия⁴⁸.

Среди расписной керамики Армавира и Гарни имеются и другие образцы, которые возможно будет отнести к ахеменидскому времени, но это дело будущего.

⁴³ Там же, рис. 33—34, 36, 41, 43.

⁴⁴ H. de Geyssié, Указ. соч., pl. 47, 51.

⁴⁵ The Alishar Hüyük, Season of 1930—1932, part. III, fig. 44.

⁴⁶ А. О. Минаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении. «Известия АН Арм. ССР» (обществ. науки). 1961, № 8, табл. 4.

⁴⁷ У. С. Զեք-Շահնուշի, Արմավիրի Կրկրորդ նորագյուտ արձանագրությունը «Նյու-Քեր հին Հայաստանի աստվածություն», հ. 1, Երևան, 1935, էջ. 2, էջ. 149. Такой же сосуд из Армавира (раскопки Уваровых) с отбитым верхом, без росписи, хранится в Музее Грузии (№ 2932, коллекция Уваровых).

⁴⁸ The Alishar Hüyük, Season of 1930—1932, part. III, pl. II—IV.

Основная масса расписной керамики из Армавира и Гарни, относится к III—I векам до н. э., и не удивительно поэтому, что она перекликается с керамикой эллинистических центров Греции, Малой Азии, северного Причерноморья и т. д.

Как известно, эллинистическая керамика делится на несколько групп — чернолаковая керамика, часто с росписью светлого цвета по темному фону, образованному лаком, рельефная керамика в виде мегарских чаш, керамика светлого цвета, на поверхность которой наносилась роспись темного цвета⁴⁹. В последней группе видят возрождение древних архаических приемов росписи, что представляется справедливым.

Однако при внешнем сходстве между архаической и эллинистической керамикой имеются и существенные различия, касающиеся содержания росписи и форм сосудов. Эллинистическая керамика с росписью по светлому фону представлена характерной группой лагиносов, александрийской керамикой, керамикой из некрополя Гадра и обиходной керамикой с росписью в виде растительных и геометрических мотивов, исполненных по светлому фону или же прямо по поверхности сосуда и находящихся широкое распространение в колониях⁵⁰. Сходные черты керамики Армении эллинистического времени с только что указанной группой делают правомочным их сопоставление.

Мы уже упоминали о полуяйцевидном кубке из Армавира (табл. I, 4). Некоторые особенности его росписи напоминают нонийскую керамику. Однако при учете ее характерной формы устанавливается непосредственная связь с эллинистической керамикой. Форма полуяйцевидных чаш в общем характерна для мегарских рельефных чаш ранне-эллинистического времени, но имеются и более убедительные аналогии, которые позволяют отнести кубок, учитывая отмеченную архаичность росписи, вероятнее всего ко второй половине IV в. до н. э. или к началу III в. Подобные кубки засвидетельствованы в Ольвии, Александрии, Антиохии, Дура-Европосе⁵¹.

Если однотипная по форме чаша из Диракляра⁵² действительно оказалась бы родственной тазакендской керамике II тысячелетия до н. э., то это свидетельствовало бы о бытовании указанной формы в Армении длительное время и заставило бы по-иному подойти к датировке армавирского кубка. Однако, по всей вероятности, сама дираклярская чаша позднего времени и связана с керамикой Армении второй половины I тысячелетия до н. э.

Среди посуды эллинистического времени из Армавира и Гарни характерное место занимают расписные фляги (табл. II, 5, 4). Это сосуды с равномерно вздутыми боками, короткой шейкой и петлевидными ручками. Имеются обломки фляг с более плоскими стенками. Роспись нанесена по бокам сосуда в виде концентрических светло-красных поясков; часто во внутреннем круге имеются орнаменты крестообразные или в виде перекрещивающихся линий. Несколько сходных фляг, отличающихся своими большими размерами, происходят из Двина; они украшены аналогичными концентрическими окружностями⁵³.

Способ украшения фляг подобными концентрическими кругами, расписными или прорезными, преобладал в эллинистическое время. В виде росписи он засвидетельство-

⁴⁹ R. M. Cook, Указ. соч., гл. VI, VII.

⁵⁰ Там же; Т. Н. Книпович, Указ. соч., стр. 370—372, 378—380.

⁵¹ См. параллели из Ольвии, упомянутые Б. А. Куфтиным в связи с армавирским полихромным кубком (раскопки Уваровых). Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-араксинский энеолит. «Вестник Государственного музея Грузии», XIII, 1944, прим. 160. Henry Wallis. Egyptian ceramic art. The Mac Gregor Collection, fig. 178; Antioch on the Orontes, v. IV, I, Princeton, 1918, fig. 1; The Excavations at Dura-Europos H. P. Toll. The Necropolis, New-Haven, 1964, Taf. XVIII, XXXIX, XLII, XLVII.

⁵² Խ. Բալթիսյան, Հայաստանի դոնադարդ կերամիկայի պրոբլեմ, ՀԽՍՀ Գիտությունների ակադեմիայի հանդես «Տեղեկագիր», II գիրք, Երևան, 1937, տե՛ս նկար էջ 288:

⁵³ Գ. Տիրացյան, Հացափան ամրոցի 1962 թ. պեղումները, «Տեղեկագիր», 1963, 12, էջ 108:

ван в северном Причерноморье (Херсонес, Чайка), в северном Двуречье (Телл-Халаф), в древней Албании (Мингечаур)⁵⁴, в виде прорезных или вдавленных линий в северном Причерноморье (Ольвия, Херсонес, синопский импорт), в Малой Азии (Алишар), в Средней Азии (Хорезм)⁵⁵.

Обломок сосуда, покрытый узорами коричневатого и голубовато-сероватого цвета в виде елочек и сетки (табл. III, 4) тоже находит аналогии среди керамики эллинистического времени. Особенно характерными кажутся мотивы в виде продолговатых остро-конечных листьев, образованных охристым фоном черепка. Они встречаются на большом сосуде эллинистического времени из Алишара, на обломках так называемой галатской керамики и т. д.⁵⁶

Очень интересен большой сосуд с вздутым туловом и двумя петлевидными ручками из Гарни (табл. II, 2). Нет сомнения, что по своей форме он должен перекликаться с керамикой второго тысячелетия до н. э. Армении и Закавказья. Мы уже имели также возможность упомянуть о некоторых связях этого сосуда с орнаментикой древнейшей керамики. Тем не менее орнаментальные мотивы гарнийского сосуда обнаруживают определенную связь с керамикой эллинистического времени западных от Армении центров. Составные элементы росписи гарнийского сосуда («волна», горизонтальные полосы, наполненные сеткой, треугольники) засвидетельствованы на керамике из афинской агоры, северного Причерноморья, Александрии⁵⁷. Орнамент «волны», встречавшийся и ранее в греческой керамике, имеется на многочисленных сосудах эллинистического времени. Примечательно, что этот мотив, особенно приближающийся по своей форме к гарнийскому, встречен на обломке из Антиохии, точно датированном эллинистическим временем⁵⁸. На другом сосуде той же эпохи орнамент «волны» встречается вместе с заштрихованной сеткой горизонтальной полосой, сходной с орнаментом на гарнийском сосуде⁵⁹.

Очень любопытны связи, которые устанавливаются с керамикой древней Албании того же времени⁶⁰. При их сопоставлении явно выступают близость форм, росписей орнаментальных мотивов.

⁵⁴ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг., Крымиздат, 1938, рис. 74; А. Н. Карасев, Раскопки городища у санатория «Чайка», близ Евпатории в 1963 г., КСНИМК, вып. 103, 1963, рис. 48, 6; В. Н. Гоуда, Указ. соч., табл. 72, № 54; А. И. Рзаев, Художественные особенности керамических фляг Кавказской Албании. «Доклады АН Азерб. ССР», 1961, т. XVII, № 8, стр. 760—761.

⁵⁵ С. А. Семенов-Зусер, Отчет о раскопках в Ольвии в 1920—1921 гг. «Известия ГИИМК», т. X, вып. 5, 1931, рис. 20; Г. Д. Белов, Эллинистический дом в Херсонесе. Труды Гос. Эрмитажа, № 3, 1962, рис. 20; The Alishar Hüyük, Season of 1930—32, part. III, fig. 54; М. Р. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода (Керамика Хорезма). «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1959, рис. 12, 26, 27 и 13; 4, 5.

⁵⁶ The Alishar Hüyük, Season of 1927, part. I, fig. 227, pl. I; F. Meier, Bemerkungen zur sogenannten galatischen Keramik von Bogazköy, Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Bd. 78, 1963, рис. 14; 23, рис. 26, 2, 6.

⁵⁷ The Alishar Hüyük, Season of 1930—1932, part. III, fig. 77; Т. Н. Книпович, Краснолаковая керамика первых веков н. э. Боспорские города, МИА, № 25, М.—Л., 1952, стр. 309, рис. 8 (I век до н. э.), указ. соч., стр. 269, рис. 19; М. И. Ростовцев, Александрийская эллинистическая ваза. «Памятники Музея изящных искусств», вып. 1—2, 1912, табл. XI; Э. фон Штерн, К вопросу об эллинистической керамике. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 28, 1910, табл. V, 13.

⁵⁸ Antioch on the Orontes, t. IV, 1; fig. 8 (№ 177)

⁵⁹ E. Pottier, Vases hellénistiques à fond blanc. Monuments Piot, t. 20. Paris, 1913, pl. XII, fig. 3, 4.

⁶⁰ См. литературу об албанской расписной керамике под примечанием № 24.

Красивое, богато расписанное блюдо из Армавира (табл. II, 3) также следует признать предметом эллинистического времени. Орнаментальными мотивами, а также формой оно приближается к блюду эллинистического времени из Афин, западных склонов Агоры⁶¹. Спиралевидный узор красного цвета на черепке из Гарни (табл. III, 10) имеет полную аналогию в керамике из Херсонеса.⁶²

Из Армавира происходят два обломка с узорами в виде поясков и отходящих от них завитков (табл. III, 9), нанесенных черным и темно-красным цветом по светлому фону цвета охры. Завитки разного типа были очень распространены в эллинистической керамике Малой Азии, северного Причерноморья и т. д.⁶³

Можно, конечно, расширить круг параллелей армавирской и гарнийской керамики (III—I вв. до н. э.) с эллинистической керамикой древнего мира, но и перечисленные упомянутые точки соприкосновения достаточны для выявления как их синхронности, так и однохарактерности.

Раскопки Гарнийского некрополя показали, что расписная керамика Армении античного времени не выходит из употребления и в первые века нашей эры. Расписные сосуды были найдены в каменных ящиках (табл. II, 6, 7), в одном из которых среди прочих вещей имелись обломки стеклянного сосуда, украшенного рельефными узорами, датированного, по-видимому, I веком н. э. Это два кувшина, покрытые желтого цвета облицовкой, по форме сходные с нерасписной посудой первых веков н. э. По ангобу красной краской нанесены прямые пояски и небрежно намазанные беспорядочные штрихи. Если роспись в эллинистическое время, как правило, подвергалась лощению, то этого нельзя сказать по отношению к упомянутым сосудам, роспись которых имеет матовый оттенок.

Примеры расписной керамики первых веков н. э. из Афин, Помпей, северного Причерноморья и особенно из Грузии и Азербайджана свидетельствуют о том, что расписная керамика Армении первых веков н. э. входила в общую схему развития расписной керамики древнего мира⁶⁴.

Рассмотрев расписную керамику древней Армении (VI в. до н. э. — III в. н. э.), мы приходим к следующим выводам.

Традиция расписной керамики, засвидетельствованная на Армянском нагорье с древнейших времен, продолжалась и в интересующее нас время, т. е. по крайней мере с V в. до н. э. до первых веков н. э. и дожила, по всей вероятности, до средних веков. Это свидетельствует о том, что Армения не выпадала из общего развития соседних стран Закавказья, Малой Азии, возможно Ирана и отчасти Средней Азии⁶⁵, где в рассматриваемое время расписная керамика не только не сходит со сцены, но, перекликаясь с древнейшей керамикой, переживает значительный подъем.

Сама по себе эта керамика имеет большое значение для материальной культуры древней Армении, для которой она является неожиданной, интересной новостью, и вносит много важного в вопросы гончарного производства, датировки и культурно-исторических связей.

⁶¹ H. Thompson, Two centuries of hellenistic pottery, *Hesperia*, v. III, Athens, 1934, рис. 89.

⁶² Т. Н. Кинпович, Из истории художественной керамики Северного Причерноморья, С. А., VII, 1941, рис. 7.

⁶³ Там же, в несколько другой форме, рис. 3, 4, 7.

⁶⁴ The Athenian Agora, v. V, H. S. Robinson, Pottery of the Roman Period, pl. 37, 39; F. Behn, Römische Keramik mit Einschluss der hellenistischen Vorstufen. Kataloge der römisch-germanischen Central Museums, № 2, Mainz, 1910, Abb. 5. 2—1, Taf. IX (№ 151); Т. Н. Голубкина, Указ. соч., табл. IV, 2, V, 2; Л. А. Чилашвили, Указ. соч., табл. XIII, 2.

⁶⁵ Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, № 118, Л., 1962, табл. II—XII.

Обзор расписной керамики показывает, что основная ее масса относится к эллинистическому времени (III—I вв. до н. э.).

Выделенная нами керамика V—IV вв. до н. э. нуждается в дополнительном хронологическом обосновании, за исключением хорошо датированного сообщающегося сосуда из Кармир-блтура (город). Период первых веков н. э. также представлен малочисленными, но сравнительно хорошо датированными экземплярами.

В условиях дальнейшего уточнения предложенной хронологической схемы и дополнительных подтверждений ее достоверности трудно будет переоценить значение расписной керамики, как датировочного материала, учитывая во многом броскую ее внешность. Вместе с основной массой нерасписной керамики, известной ранее из раскопок Джрарата (V—IV вв.), Гарни (первые века н. э.) и т. д., а также из раскопок последних лет Армавира и Гарни (V—I вв. до н. э.), расписная керамика дает убедительное представление о сравнительно высоком уровне гончарного производства древней Армении рассматриваемого времени, о существовании которого совсем недавно мы могли только предполагать.

Краткий обзор расписной керамики Передней Азии первых веков до н. э. показал как консервативны орнаментальные мотивы и, следовательно, как они могут долго бытовать, видоизменяясь незначительно. Это же в равной мере касается и орнаментальных мотивов древнейшей расписной керамики Армении и Закавказья, с которыми орнаментика рассматриваемой керамики часто перекликается. Эти совпадения мы считали бы чисто случайными, если бы не наличие ряда параллелей между формами сосудов керамики V—IV или III—I вв. до н. э. (кроме вышеупомянутых, еще сосуды с носиком, кубки с перехватом, вазообразные сосуды и т. д.) и керамикой II тысячелетия или первой половины I тысячелетия до н. э., которая также свидетельствует о некоторой типологической и, возможно, орнаментальной преемственности.

Большой культурно-исторический интерес могут представить только что намечавшиеся связи древнеармянской керамики с восточногреческой. Хорошо прослеживаются также связи древнеармянской и эллинистической керамики. Наряду с установившимися многочисленными совпадениями орнаментальных мотивов выявилась и некоторая общность форм (получащевидный кубок, блюдо, кувшинчики и т. д.), что представляется особенно важным.

В этом аспекте интересно сравнить расписную керамику Азербайджана эллинистического времени с аналогичной керамикой Армении. Будучи во многом сходными с керамикой Армении, керамические изделия Албании оказались по ряду причин более консервативными, с более устойчивыми по отношению к предшествующим периодам формами. Здесь влияние эллинистической керамики ощущается слабее, и то только в росписи, чисто внешние аналогии которой можно найти пока что только в малоазийской керамике второй половины I тысячелетия до н. э. Что касается форм албанской керамики, то они со всей очевидностью в несколько видоизмененном виде восходят к закавказской (гидрий) и иранской керамике (сосуды с носиком).